

КАЛЕНДАРЬ «СМ»

«МОЙ ДЕВИЗ — РАБОТАТЬ ДЛЯ НАРОДА»

ЭМИЛИЮ ДАРЗИНЮ — 100

...В САМОМ сердце Видземе, на пути из Вецпиебалги в Яунпиебалгу, в окружении пышных деревьев возвышается Jāņa skola (Янова школа). Школы в старинном здании со старомодным названием уже нет; семь лет назад здесь был открыт музей Эмиля Дарзиня и Яна Судрабкална, а также размещена постоянная выставка картин Карлуса Мисевича. Тысячи людей отправляются ежегодно в отдаленную Янясколу, чтобы ближе познакомиться с жизнью и творчеством трех знаменитых художников Пиебалги. Особенно много посетителей здесь собирают ставшие уже традицией мероприятия, посвященные памяти Эмиля Дарзиня. Нынешней осенью они приобрели юбилейное звучание и вес — завтра 3 ноября, исполняется столетие со дня рождения выдающегося латышского композитора и музыкального критика.

В восемнадцать лет Э. Дарзинь сочинил свою первую композицию — песню для хора «Вы, горы, и вы, долины». В 1896 году, по рекомендации Язепса Витола, песня была опубликована в журнале «Ауструмс». Этот момент и решил судьбу талантливого юноши: он едет в Москву, чтобы учиться в тамошней консерватории. Но в пути Э. Дарзинь заболел и вынужден был вернуться домой. В следующий раз он избрал Петербург и в 1898 году двадцати трех лет от роду поступил в Петербургскую консерваторию.

Три года, проведенные в Петербурге, были самым счастливым временем в жизни Дарзиня. Занятия под руководством знаменитых мастеров, прежде всего Н. Римского-Корсакова, концерты, театры, библиотеки, музеи — все это вдохновляло любознательного латышского юношу, будущего композитора. Однако материальные трудности и слабое здоровье помешали Э. Дарзиню закончить консерваторию. В 1901 году он, автор уже нескольких хоровых и сольных песен, вернулся в Ригу. «Работать для своего народа и его искусства — такой будет впрямь мой девиз, и дай бог, чтобы каждый честный художник писал эти слова на своем знамени!» — написал Э. Дарзинь в одном из своих писем вскоре после возвращения из Петербурга. Но сонливая, мещанская культурная жизнь в буржуазной Риге принесла композитору разочарование...

«...Что бы ни написал, самое хорошее и интимное, — пишет он своему другу и товарищу по консерватории А. Кальниню, — никогда не будет правильно понято и воспринято большой толпой, то есть, так называемой буржуазной интеллигенцией. Сколько голов, столько мнений, и у одной части это вовсе не головы, а бараньи головы. Жажда материальных благ овладела всеми ими. И разве только у нас, так повсюду. Это основной принцип буржуазной культуры: погоня за деньгами, собственно, карьерой, набитым желудком и самодовольным, напыщенным благополучием... И, главное, нет жажды прекрасно-

то...». И Эмиль Дарзинь начал борьбу за прекрасное — и своими композициями, и музыкальными рецензиями и критическими статьями.

Эмиль Дарзинь не был революционером, однако, будучи большим художником и эрудированным знатоком искусства, он чисто интуитивно коснулся лучших струн эпохи, чтобы звуки их дошли и до наших дней. Над царской Россией пронеслась революционная буря 1905 года, и композитор вторит ей двумя хоровыми песнями на слова революционного латышского поэта Яниса Райниса — «Сломанные сосны» и «Былое». В период с 1904 года по 1907 год появились также ряд сольных песен на слова Яниса Поруха, поэта, чей духовный мир был особенно близок композитору. Был написан и «Меланхолический вальс» для симфонического оркестра. Простой народ полюбил эти произведения. Страстные критические статьи Э. Дарзиня о музыке воспитывали эстетическую мысль. Одновременно отношение буржуазии к композитору принимало все более враждебный характер.

В 1908 году реакционная газета «Ригас авизе» обвинила Э. Дарзиня в плагиате, заметив, что его симфоническая картина «Одинокая сосна» якобы является подражанием Яну Сибелиусу. Композитор обратился к Александру Глазунову, который в «Одинокой сосне» не обнаружил доказательств плагиата. Речь могла идти лишь о некоторых признаках, общих для музыкального языка эпохи. Противники Э. Дарзиня в свою очередь отправили партитуру сочинения самому Я. Сибелиусу, и он, возможно, даже не углубившись в работу Э. Дарзиня, ответил, что это произведение не самостоятельное, дилетантское. В результате Э. Дарзинь уничтожил и эту, и еще две свои симфонические партитуры.

Композитор сознавал: «без больших переживаний, больших страстей и больших страданий ни один художник не смог всколыхнуть глубины своей души и не сможет». Однако бремя страданий становилось с каждым днем все тяжелее. Общественно-политическая реакция российского самодержавия, духовная бедность буржуазной Риги, семейный разлад, утомительные обязанности преподавателя частных уроков и музыкального рецензента постепенно привели Э. Дарзиня к душевной депрессии. Не случайно, что именно в это время созданы его наиболее печальные сольные песни на слова Я. Поруха и В. Плудониса. А в песне для хора «Вечно синие» на слова К. Скалбе композитор передал страдания народа.

О некотором облегчении в этот тяжелый период жизни рассказывает лишь работа над оперой «Радужные дни» на либретто латышского писателя Эдуарда Вульфа. «...Пределом мечтаний Дарзиня всегда была опера», — вспоминает его талантливый ученик, композитор и музыкальный критик Янис Залитис. — «Ей он решил посвятить оставшуюся часть своей жизни...». Среди сюжетов задуманных опер был «Ловец жем-

чуга» Я. Поруха, «Дни портных в Силмачах» Р. Блаумана, «Иванов» А. Чехова... Так же как и П. Чайковского, жанр оперы привлекал Э. Дарзиня своей демократичностью, возможностью обращаться к широкой массе слушателей. Он иронизировал над интеллигентской «дипломатической кошелькой», верил, что для искусства не важен ум, не важно богатство, нужно только чувствительное сердце. К сожалению, сердце самого Э. Дарзиня в борьбе за прекрасное не выдержало. Смерть перечеркнула все замыслы композитора, которому еще не исполнилось и тридцати пяти лет. Ночью 31 августа 1910 года при невыясненных обстоятельствах он погиб на станции Засулаукс под колесами поезда...

Эмиля Дарзиня больше нет, но живут его произведения, которые подобно радуге светятся над народом. Народом, среди которого вырастают новые дарзиньцы — воспитанники средней специальной музыкальной школы имени Э. Дарзиня. В исполнении хора мальчиков здесь часто звучит его «Песня русалок». «Этот маленький хор («Песня русалок» — Г. Г.), несомненно, является одним из самых очаровательных в нашей музыкально-хоровой литературе, — пишет Я. Залитис, — ...здесь разверзлась перед нами морская пучина, и зеленотелые русалки слушают тихую песню волн-качелей. Это слезинка, в которой переливаются краски целого мира»... Эти слова, особенно последние, могут служить ключом ко всему творчеству Э. Дарзиня. Небольшое музыкальное наследие композитора, в сравнении с другими оно даже весьма мало: всего 17 хоровых и 17 сольных песен, «Меланхолический вальс» и фрагменты из неоконченной оперы «Радужные дни». Но без этих сочинений нашей музыкальной культуре неоставало бы очень существенных нюансов. Э. Дарзинь хорошо сознавал суть своего таланта: «По натуре я не наблюдатель природы, не пейзажист и не музыкальный архитектор, а лирик, ценитель субъективных чувств, психолог, призванный улавливать разнообразные движения человеческой души и отражать их в музыке». Музыку Э. Дарзиня отличают те же черты, которые, по словам его современников, были свойственны его человеческой сущности — простота, эмоциональность, искренность. Его искусство идет, как говорят в таких случаях, от сердца и нашло путь к сердцам слушателей. Основным элементом музыкального языка композитора — мелодия: пластичная, выразительная, легко запоминающаяся. Благодаря этому, многие произведения Э. Дарзиня воспринимаются как народные, хотя в них типично народных интонаций нет. Фортепианное сопровождение композитора для сольных песен, например, «Испанского романса» (слова А. Пушкина в переводе В. Плудониса) значительно обогащают их содержание, «Меланхолический вальс», в свою очередь, говорит о том, как тонко чувствовал композитор красочное разнообразие оркестра. В хоровых песнях, которые Э. Дарзинь всегда считал самой верной дорогой, могущей привести народ в храм искусства, он добился и прозрачности, утонченности, и пышности симфонического звучания. Все это позволяет говорить о Э. Дарзине как о ярком, самобытном природном таланте.

...Когда в Яновой школе наступает день памяти Э. Дарзиня, ценители его таланта со всех концов республики музыкальными звуками или словами, безмолвным молчанием или звонкими аплодисментами, признаются композитору в любви. «Именно наши поэты, писатели и художники не только создадут латышскую культуру, но и просят свою родину далеко за ее пределами», — предсказывал Э. Дарзинь. Мы можем сегодня быть благодарными ему за то, что и он был среди тех, кто развил и обогатил культуру Советской Латвии.

Г. ГРИН.

